

повится абсурднымъ и вреднымъ.—въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда лишь конкурентъ въ законной формѣ выполняетъ свою функцію,—зритель же, вслѣдствіе возбужденныхъ и въ немъ импульсовъ, не хочетъ быть исключеннымъ. Таковъ основной процессъ ревности. Какъ, однако, послѣдняя укрѣпляется въ дальнѣйшемъ и развивается, это объясняется лишь изъ сложныхъ условій, которыя выяснятся при ходѣ нашего изложенія и которыя мы постараемся еще разъ резюмировать въ заключительной главѣ. Вообще же, очень наглядное, такъ называемое, экспериментальное доказательство этой теоріи даетъ намъ „спортъ“; онъ показываетъ, какъ изъ ревностнаго ссорничества само собою возникаетъ соревнованіе, благовидная форма ревности.

Если и ревность является обычно инстинктивно проявляющимся побочнымъ продуктомъ состязанія, то иногда мы можемъ подмѣтить явленія, какъ разъ обратныя этому. Ревность пробуждается въ этихъ случаяхъ и индуцируется другими аффектами. Если супругъ благодаря раздорамъ, разладу и т. п. перестаетъ довѣрять своей женѣ и начинаетъ за нею слѣдить, то отсюда быстро вытекаетъ чувства соревнованія по отношенію къ знакомымъ супруги. При борьбѣ двухъ теченій искусства, при спорѣ между протестантизмомъ и католицизмомъ, при борьбѣ сѣвера и юга Германіи

за преобладаніе и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ мы наблюдаемъ замѣчательное сопутствующее явленіе. Всякій разъ имѣется налицо опредѣленный вещественный объектъ борьбы; но готовность къ борьбѣ приводила и приводитъ всегда къ общему наблюденію за всѣми дѣлами и жизнью врага. Тѣмъ самымъ вытекаютъ непосредственно общія чувства соревнованія, а потому и мысль, что противникъ—всесторонній конкурентъ. Мы знаемъ, что въ результатъ получается отсюда: различныя художественныя школы въ достаточной мѣрѣ испортили другъ другу жизнь. Католицизмъ въ Германіи страннымъ образомъ превратился въ могущественную политическую партію съ той фикціей, будто между нимъ и протестантизмомъ существуютъ основныя политическія противорѣчія, все равно, какъ между либеральнымъ и консервативнымъ направленіемъ. Несмотря на то, что борьба между сѣверомъ и югомъ Германіи давно уже утратила конкретный объектъ, мы недавно еще наблюдали сильнѣйшую партикуляристскую ревность послѣдняго по отношенію къ первому,—по крайней мѣрѣ во всѣхъ экономическихъ, хотя зачастую также и въ политическихъ вопросахъ. Какимъ образомъ, наконецъ, „бдительность“ нашей прессы по отношенію къ иностранной политикѣ воспитала невѣроятную и опасную интернаціональную ревность,—

этого мы коснемся подробнѣе въ нашей предстоящей работѣ.

Эти немногіе примѣры показываютъ намъ, что психологическое разсмотрѣніе проблемы ревности способно пролить свѣтъ на разнообразныя явленія личной и общественной жизни; цѣлью нашего изслѣдованія и является установить именно такую точку зрѣнія, а вовсе не дать исчерпывающую коллекцію доказательнаго матеріала. Кромѣ того, вообще подлежитъ сомнѣнію, имѣло ли бы смыслъ или вообще было ли бы возможно составленіе такой коллекціи.

Только въ главѣ четвертой, гдѣ мы коснемся процессовъ блѣзненной ревности, мы попытаемся наглядно сопоставить всѣ клиническія наблюденія,—въ главѣ же о чрезвычайно интересныхъ и психологическихъ поучительныхъ проявленіяхъ ревности въ царствѣ животныхъ мы постараемся привести всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя. Поскольку наша попытка подошла къ разрѣшенію поставленной нами задачи, предоставляемъ судить читателю.

I.

Что такое ревность и чѣмъ она вызывается?

Относительно ревности мы вообще, насколько мнѣ извѣстно, не имѣемъ еще ни одной болѣе или менѣе исчерпывающей работы, хотя этотъ аффектъ давно уже занималъ наше мышленіе и хотя чрезвычайно великъ интересъ, который удѣлялся ему со стороны новѣйшихъ писателей. Въ то время, какъ въ классической драматургіи трековъ мы едва имѣемъ слабые намеки на этотъ аффектъ,—великій знатокъ человѣческой души, Шекспиръ въ „Отелло“, въ „Зимней сказкѣ“, въ „Цимбелинѣ“, въ комедіяхъ „Мѣра за мѣру“, въ „Веселыхъ кумушкахъ“ и во многихъ другихъ клалъ его въ основу своихъ твореній. Шиллеръ въ „Разбойникахъ“, „Коварствѣ и любви“, въ „Мессинской невѣстѣ“ и въ „Маріи Стюартъ“ рѣзкими штрихами обрисовалъ эту страсть; Гете въ „Торквато Тассо“, Лессингъ въ „Эмилиі Галотти“ и въ „Миссъ Сарра Симпсонъ“, — между тѣмъ,

какъ современная французская драматургія уже нѣсколько десятилѣтій пользуется ревностью, какъ наиболѣе употребительнымъ и благодарнымъ матеріаломъ для своихъ твореній. То, что въ итальянской поэзіи и оперѣ вплоть до новѣйшаго времени ревность играетъ выдающуюся роль, чрезвычайно понятно: напротивъ того, не лишень особаго интереса тотъ фактъ, что германскіе драматурги современности, не исключая и Ибсена, со значительно меньшимъ увлеченіемъ обращались къ этому аффекту.

Не смотря на то обстоятельство, что практическая психологія ревности безчисленное число разъ служила объектомъ изслѣдованія поэтовъ, мы все же считаемъ далеко не излишнимъ условиться уже въ началѣ нашего изложенія относительно единообразнаго ея опредѣленія. Почти всѣ называютъ ревность страстью и представляютъ себѣ при этомъ слѣдующую постепенность: чувство—аффектъ—страсть. Точно такимъ же образомъ можно идти отъ досады къ гнѣву и затѣмъ къ мести, отъ удовольствія къ радости и къ наслажденію. Аффектъ является при этомъ повышеннымъ чувствомъ, соединеннымъ съ влеченіемъ къ удовлетворенію или къ разряженію. О страсти же мы говоримъ въ томъ случаѣ, когда аффектъ становится постояннымъ и тѣмъ самымъ принимаетъ вредное или нежелатель-

ное направлѣніе. Одновременно съ этимъ въ рѣзкой формѣ проявляется и желаніе, какъ напримѣръ, въ понятіяхъ алчности, честолюбія. Въ психологіи страсть опредѣляется нѣсколько разнообразнѣе и иначе. Въ то время, какъ древніе (стоики, Платонъ и т. п.), исходя изъ своего субстанціональнаго понятія души, видѣли въ ней рабство души, Лейбницъ довольно справедливо охарактеризовалъ ее, какъ желаніе, а Кантъ ¹⁾, какъ чувственное стремленіе, превратившееся въ постоянную склонность, при чемъ онъ, правда, присоединялъ сюда же и чрезвычайно мало понятное положеніе: „Гдѣ много аффекта, тамъ мало страсти“.

Изъ современныхъ психологовъ Вундтъ ²⁾ идетъ слишкомъ далеко, настаивая на исключеніи изъ психологіи этого понятія, какъ слишкомъ популярнаго и многосмысленнаго; Липпсъ ³⁾, напротивъ того, выражается чрезвычайно опредѣленно: „Кто склоненъ къ сильнымъ аффектамъ, того называютъ и страстнымъ. Страсть вообще—это продолжительное состояніе особой возбудимости по отноше-

¹⁾ Ср. подробно историческій обзоръ у Folkman'a „Lehrbuch d. Psychologie“. 3-е изд. 1884, II т., стр. 522.

²⁾ Wundt „Grundriss d. physiol. Psychologie“, 5-е изд., 1903, II т., стр. 226.

³⁾ Lipps „Leitfad. d. Psychologie“, 2-е изд., 1906, стр. 311.

нію къ опредѣленнымъ видамъ психологическихъ явленій и комплексовъ таковыхъ и къ вытекающимъ изъ нихъ стремленіямъ и желаніямъ“.

Если мы захотимъ убѣдиться въ томъ, является ли ревность дѣйствительно страстью въ этомъ сложномъ смыслѣ или же только простымъ чувствомъ, или аффе́ктомъ, то мы можемъ непосредственно обратиться къ нашему самонаблюденію. Если границы послѣдняго и безъ того уже чрезвычайно узки, то въ сферѣ чувствъ оно является особенно недостаточнымъ. Это заходитъ такъ далеко, что относительно элементарнѣйшихъ вопросовъ, касающихся внутренней конструкціи чувствъ, возрѣнія наиболѣе великихъ современныхъ психологовъ рѣзко расходятся другъ съ другомъ. Чувства всегда вѣдь представляютъ собою нѣчто второстепенное, они проистекаютъ изъ полученныхъ ощущеній или представленій,— благозвучіе, напрымѣръ, изъ аккорда, душевное страданіе изъ непріятнаго извѣстія. Между тѣмъ, никто иной, какъ Вундтъ выставляетъ положеніе, что качественная особенность чувствъ получаетъ свое внутреннее выраженіе въ чрезвычайно многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, настолько же многочисленныхъ, насколько различны ощущенія и комбинаціи ощущеній, изъ которыхъ исходятъ чувства. Подавляющее большинство психологовъ утвер-

ждаетъ, однако, наличность еще двухъ разновидностей: они либо пріятны, либо непріятны. Все различіе заключается далѣе лишь въ самихъ ощущеніяхъ и затѣмъ еще — при аффектахъ—въ сопутствующихъ вазомоторныхъ и мимическихъ импульсахъ. Вундтъ, напротивъ того, видитъ въ чувствѣ пріятнаго и непріятнаго лишь общее свойство всякаго чувства (на ряду съ ихъ всякій разъ своеобразной природой) и добавляетъ сюда еще два дальнѣйшихъ главныхъ направленія: они всякій разъ кромѣ того носятъ либо напрягающій, либо освобождающій характеръ,—и далѣе возбуждающій или парализирующій. Эта характеристика тоже не пользуется широкимъ сочувствіемъ. Раздѣленіе наиболѣе интенсивныхъ чувствъ, аффектовъ на стеническіе (напримѣръ, гнѣвъ, мужество) и астеническіе (напримѣръ, страхъ, боязнь), правда, очень старо, и многіе психологи (Мюнстербергъ, Липпсъ и Годль) предполагаютъ, на мой взглядъ, вполне справедливо, что въ чувствѣ непосредственно заложено стремленіе, главный элементъ воли. Тѣмъ самымъ учитываются уже направленія чувствъ, о которыхъ говоритъ Вундтъ; тѣмъ не менѣе изъ наличности столь глубокихъ разногласій относительно психологической природы чувствъ явствуетъ, что наше самонаблюденіе неспособно дать намъ какія-либо опредѣленные и яркія

разъясненія по этому поводу. И кто читалъ, напимѣръ, въ прекрасной психологіи Гоу-д-ля его подробное изслѣдованіе чувствъ, тотъ несомнѣнно пришелъ къ выводу, что попытка спеціальнаго анализа чувствъ не даетъ въ концѣ-концовъ плодотворныхъ результатовъ.

Отсюда самъ собою намѣчается путь для психологическаго изслѣдованія ревности. Вопросъ, идетъ ли тутъ рѣчь о простомъ чувствѣ или о сложномъ явленіи, можетъ остаться пока мѣстѣ неразрѣшеннымъ; очень сомнительно, поддается ли онъ вообще разрѣшенію. Мы должны, однако, сдѣлать слѣдующее: во-первыхъ, установить тѣ переживанія и явленія, при которыхъ говорятъ обычно о ревности; во-вторыхъ, найти ощущенія и чувства, постоянно сопутствующія ей, а благодаря этому и наиболѣе существенныя; и въ-третьихъ, опредѣлить тѣ поступки и стремленія, которые имѣютъ мѣсто при явленіяхъ, вызывающихъ обычно въ насъ ревность.

При всемъ томъ мы не должны упускать изъ виду того соотношенія, въ которомъ стоитъ ревность съ другими аналогичными чувствами, главнымъ образомъ съ завистью, съ недоброжелательствомъ и др. Во всякомъ случаѣ, всѣ краткія опредѣленія, встрѣчающіяся довольно часто, въ родѣ того, напимѣръ, какъ: „ревность есть стремленіе къ единоличному обладанію желаннымъ объектомъ или субъ-

ектомъ“,—не могутъ быть признаны удовлетворительными¹⁾. Съ самаго начала ясно, что ревность относится къ обширной группѣ тѣхъ аффектовъ, которые возбуждаютъ въ человѣчествѣ взаимное враждебное чувство; присмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что два вида этихъ аффектовъ во все времена и эпохи оказывали наиболѣе сильное и вредное вліяніе: первый проистекаетъ изъ могущественнаго фактора своекорыстія и себялюбія, второй—изъ треній, возникающихъ благодаря личнымъ противорѣчіямъ, гнѣву, мстительности, антипатіи и т. п. Передъ нами возникаетъ еще одинъ важный и интересный вопросъ: нѣтъ ли у человѣка еще третьей категоріи,—первичной склонности къ жестокости,—желанія безъ всякой причины причинить зло своему ближнему? На этотъ вопросъ англійскій психологъ Бенъ, чрезвычайно остроумный и добросовѣстный изслѣдователь, отвѣтилъ утвердительно: мы также должны согласиться, что при ненормальныхъ условіяхъ, при такъ называемой „moral insanity“ и у большинства вырождающихся алкоголиковъ такіе хищные инстинкты дѣйствительно имѣются налицо, и что сюда относится кромѣ того и садизмъ сексуально извращенныхъ людей.

1) Въ равной мѣрѣ мы не можемъ согласиться и съ опредѣленіемъ С п и н о з ы: „Ревность есть связанныя съ завистью ненависть къ любимому объекту“.